

СПЕКТАКЛЬ - ПРАЗДНИК

Интервью Юсупов
11/14 2 апреля 1970г.

В. И. Ленин — нар. арт. СССР М. УЛЬЯНОВ, Иван Шадрин — нар. арт. СССР Н. ГРИЦЕНКО.

Фото А. УЗЛЯНА

щимся, беспредельно разносторонним артистом с таким полным психологическим проникновением, с такой точной и свободной экспрессией, что в этой судьбе человеческой выпукло, зримо отразилось само время, породившее ее, вобравшее в себя миллионы подобных судеб. Шадрин — Гриценко — это тип, исторически обобщенный и незабываемо конкретный, рожденный могучим, вдохновенным взлетом актерского откровения.

А разве забудутся сестра Шадрина Катя (Ю. Борисова), вся словно поющая, освещенная изнутри, натянутая, как струна, устремленная навстречу революционной нови, своей большой любви; или жена Шадрина Надя (Л. Пашкова), забитая, истрадавшаяся крестьянская нескладеха, вдруг озаряющаяся той правдой, что открылась ее мужу; или питерский рабочий Чибисов (Н. Тимофеев), жизнерадостный, крепкий, весь излучающий уверенность и силу новой, большевистской, власти?

Каждый из этих героев заслуживает отдельного обстоятельного разбора, равно как и ярчайшее исполнение любой из многочисленных эпизодических ролей старейшинами, а также средним и младшим поколением талантливого вахтанговского коллектива. Перед глазами стоят и разудалый, лихой балтийский братишка Дымов (Ю. Волынец), охраняющий со своими товарищами Смольный; и охрипший от бесконечных вызовов по телефону матрос-связист Володя (Г. Абрикосов); и немного растерянный своим новым назначением, жадно внимающий советам Ильича комиссар по топливу (А. Нацынский); и насмерть перепуганный, но постепенно начинающий понимать, кто его действительно враг, пленный солдат Макушкин (А. Граве)...

А как колоритны, как подчеркивают историческую неизбежность краха старого мира зловещие фигуры капиталистов — яростного в своих угрозах промышленника-купчины с Волги (Н. Плотников), рафинированного западника (И. Толчанов), подавленного, но все еще на что-то надеющегося господина в шубе (А. Абрикосов), мечущегося в злобе и страхе Захара Сибирцева (Н. Бубнов), готовых продать Россию, бессильных в своей лютой ненависти к воставшему народу, к большевикам...

Словом, все части, эпизоды, центральные и мимолетные персонажи новой постановки «Человека с ружьем» гармонически слиты в одно прекрасное целое — волнующую, правдивую, осененную образом великого Ленина, его идеями картину жизни народной на крутом переломе истории.

Это поистине спектакль-праздник.

Н. ЛЕЙКИН

НОЯБРЬ 1937 года. Театр имени Евг. Вахтангова впервые показывает «Человека с ружьем» Николая Погодина. Этим спектаклем

по существу началась история создания образа Владимира Ильича Ленина на советской сцене. Я имел счастье присутствовать на первом представлении классической погодинской пьесы и никогда не забуду чувства, которое испытывали тогда все мы, зрители того исторического спектакля, когда во втором акте в конце смольнинского коридора, уходящего в глубь сцены, вдруг появился Владимир Ильич и стремительно пошел прямо к нам...

Весь зал стихийно поднялся в едином порыве, и шквал оваций потряс стены театра. Все мы, наверно, понимали, как трудно было Борису Щукину, тоже охваченному огромным волнением, пережить наши аплодисменты, ни на секунду не выходя из образа вождя, и все же не могли сдержать себя. Ведь перед нами стоял ЛЕНИН! Рукоплескания продолжались и продолжались с новой силой, и казалось, не будет им конца. Незабываемое...

И вот 18 апреля 1970 года, в канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, вновь до отказа заполнен зал вахтанговского театра, и вновь восторженно и жарко встречаем мы на его сцене Владимира Ильича в новой постановке «Человека с ружьем». Эстафету создания великого образа принял нынче у Бориса Щукина Михаил Ульянов, так же как постановщик нового спектакля Евгений Симонов продолжил

дело своего отца и учителя Рубена Симонова, автора первой постановки «Человека с ружьем» на вахтанговской сцене.

Достойные наследники, достойные продолжатели!

Вместе со всем коллективом театра они еще и еще раз победительно доказали, как притягательно и ни с чем не сравнимо воздействие высокого реалистического искусства — искусства больших мыслей, пламенных чувств, глубинной жизненной правды, яркой и одухотворенной театральности. К всенародному празднику вахтанговцы подарили спектакль, который сам закономерно стал праздничным. И потому, что он вносит весомый, серьезный вклад в нашу сценическую Лениниану. И потому, что в нем мощно и крупно звучит тема ленинской партии, тема всепобеждающей социалистической революции.

Символична, красноречива своеобразная заставка спектакля. По краям авансцены возникают два юных современных военных барабанщика, одетых в сверкающую парадную форму. Они выплетают свои звенящие трели в аккорды музыки, то величаво-торжественной, то суровой и тревожной, то призывно-героической (композитор Л. Солин). Раздвигается занавес, за ним — второй, багрово-алый, ниспадающий прозрачными, трепещущими волнами. И сквозь них во всю ширь сцены светит ночными огнями своих окон незасыпающий, бурлящий Смольный, над которым реет на Октябрьском ветру семнадцатого года красное знамя (художник С. Ахведиани).

Образ Октябрьского Смольного и сегодняшние юные барабанщики пройдут через весь спектакль, пронизывая его волнующим ощущением неразрывной связи времен и поколений, гордой и ясной мыслью о том, что Революция продолжается.

И Ленин — вождь этой революции, ее организатор и вдохновитель, ее трибун. Именно таким предстает он в исполнении М. Ульянова. Артист сдержан и строг. Тщательно выверены каждая интонация, каждый жест. В своем постижении дорогого образа, которое, несомненно, будет длиться и длиться, М. Ульянов приближается к главному — к исторической масштабности образа вождя, к его необычайно интенсивной внутренней насыщенности. Видим ли мы Ленина сурово-озабоченным, целиком поглощенным решением неотложных практических задач, отдающим четкие распоряжения своим помощникам и соратникам, беседующим ли удивительно просто, пылливо, внимательно с рабочими, солдатами и крестьянами, дающим ли деятелям эсерского — меньшевистского толка гневную, презрительную отповедь, произносящим ли свою знаменитую горячую речь о человеке с ружьем перед вооруженными защитниками Петрограда, задумавшимся ли глубоко в короткую минуту передышки — мы чувствуем за всем этим бытие всепроникающей, зовущей и ясной, как сама правда, ленинской мысли, его страсть революционного борца, его уверенность в победе дела созданной им партии.

Ленин и народ. Этот важнейший аспект погодинской

пьесы также решен вахтанговцами необыкновенно сильно. Они едины, монолитны, Ленин и идущие за ним, вместе с ним, рядом с ним, повсеместно окружающие его массы трудящегося народа. Спектакль народен по самой своей сути. Постановщику, занявшему в массовых сценах почти всю труппу и студентов Театрального училища имени Б. В. Щукина, удалось воплотить впечатляющий своим идейным содержанием, своей пластической выразительностью коллективный образ народа, разбуженного революцией, поднятого ею на борьбу за власть, беззаветно поверившего большевикам, творящего Историю. Но массы на сцене — солдаты в окопах, отправляющиеся на фронт красногвардейские части, рабочие, матросы-балтийцы, ходяки из деревни — отнюдь не безлики. Перед нами живые люди со своим неповторимым обликом, с конкретными биографиями и судьбами, с самобытными характерами. Буквально каждый человек на сцене живет, борется, горит, олицетворяя эпоху, действительно передавая ее политическое и нравственное дыхание.

Блистательно — повахтанговски — изображены и те представители народных масс, что волею драматурга движут сюжет пьесы, и прежде всего Иван Шадрин.

Н. Гриценко в этой роли лепит народный характер поразительной глубины и достоверности. Духовная эволюция крестьянина в солдатской шинели, человека с ружьем, приближающегося к ленинской правде века, становящегося сознательным бойцом социалистической революции, прожита выдаю-